

18+ Ольга Карагодина

Сказки бабушки Оли

Современные сказки

Ольга Карагодина

**Сказки бабушки Оли.
Современные сказки**

«Издательские решения»

Карагодина О.

Сказки бабушки Оли. Современные сказки / О. Карагодина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749028-7

В книге «Сказки бабушки Оли» собраны современные сказки в прозе и стихотворной форме. Книга предназначена для широкого круга читателей. Некоторые сказки были ранее опубликованы в литературных изданиях: «Куклы» в литературном альманахе «Московский Парнас» (2014); сказка-фэнтези «Симураны» в журнале «Приокские зори» (2016); «Дом» в литературно-художественном альманахе «Донская сотня» (2017).

ISBN 978-5-44-749028-7

© Карагодина О.
© Издательские решения

Содержание

Куклы	6
Сказка про паучка Пал Палыча	9
Сказка о пушистом эльфе Чинчилья	12
Хвастливый помидор	16
Исповедь собаки	17
Мутанты	18
Симураны	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сказки бабушки Оли **Современные сказки**

Ольга Карагодина

Фотограф Ольга Геннадьевна Карагодина

© Ольга Карагодина, 2018

© Ольга Геннадьевна Карагодина, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-9028-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куклы

Жила-была одна добрая женщина, и была у неё большая коллекция кукол.

Все они были из разных мест. Казак с шашкой за поясом и казачка в цветочном венке – из Ростова на Дону; толстый глиняный бай в пестром халате, белой чалме с двумя гибкими танцовщицами в полупрозрачных платьях – из Узбекистана; маленькая стройная японочка в шёлковом розовом кимоно, украшенном крошечными голубыми птичками, держала в руках тончайший, словно сотканный из паутины, зонтик; индийская танцовщица в ярком украшенном разноцветными бусинками сари; скромная русская барышня в розовом платье и таком же чепчике из волжского города Мышкина; две боярыни в старинных кокошниках расшитых яркими нитками мулине, – из Нижнего Новгорода; стрелец с большой секирой в руках времён царя Петра; две куклы из Китая, изображающие актёров китайского театра драмы, с чёрными косичками, висящими ниже пояса, в длинных кимоно, расшитых золотыми драконами... При первом взгляде на них все думали: женщины в диковинных нарядах, а хозяйка знала, что эти куклы – мужчины.

Все куклы стояли в большом шкафу с стеклянными дверцами на трёх высоких полках.

Женщина их очень любила, часто глядела на них, переставляла с места на место, пока не стали происходить странные вещи. Куклы то упадут с полки, то друг на друга повалятся. Бывает, день два стоят, всё хорошо, а потом она их переставит – и начинается: то одна кукла завалится, то другая. Хозяйка-то не знала, что куклы были живыми. Днём они стояли тихо, наблюдали за ней, а когда она выходила из дома, начинали шепотом разговаривать.

Больше всего они любили ночь. Женщина крепко засыпала после трудового дня, и вот тогда куклы тихонько сходили со своих мест, и начиналось настоящее веселье. Они спорили, кто из них лучше и красивее. Рассказывали друг другу о краях, из которых они родом. Показывали, кто и что умеет делать. Китайские актёры читали стихи – хокку, состоящие из четырёх строк. С ними в своём умении стихоплетения соревновалась маленькая японка. Она складывала свой прозрачный зонтик, садилась перед актерами и задавала тему. Это могли быть стихи о горах, о солнышке, о цветущей сакуре или журавлях. Она была большая мастерица по части историй. В Японии и Китае люди с давних времён любят кукол. Почитают их, уважают и даже могут сотворить недоброе дело с помощью куклы. В Японии и Китае куклы передаются по наследству, по женской линии, и являют собой защиту от злых духов, и всяких бытовых неприятностей. Их преподносят как оригинальный подарок ко дню свадьбы. А если кукла сделана в единственном экземпляре, у неё, верят, душа сделавшего её мастера.

Индийская танцовщица показывала свои танцы двум узбечкам. Она знала огромное количество историй о танцах. Ведь индийский танец не просто танец. Он насчитывает более пяти тысяч лет, его покровителем является сам великий Шива. Он – средство общения.

В каждом танце танцовщица рассказывает какую-нибудь новую историю.

Узбекские танцовщицы слушали её и обижались. Ведь их танцы были не менее древними. Дошли до наших времён из старинных городов – Самарканда, Бухары, Хорезма.

Они показывали и рассказывали индианке о танцах из разных регионов своего края. Сначала танцевали ферганские танцы – мягкие, плавные, с выразительными движениями, лёгкими скользящими шагами, оригинальными движениями на месте и по кругу. В другую ночь показывали танцы из Хорезма и Бухары с кайраками – кастаньетами.

Больше других любил танцы бай.

Он садился на расшитые золотыми нитками подушки, брал в одну руку, расписанную причудливыми узорами, пиалу с чаем, устраивался поудобнее и просил девушек показывать ему своё искусство снова и снова, взирая грозным оком из-под белой чалмы.

Сам он был неповоротлив и ленив. Девушки услаждали его взор.

Ростовский казак частенько вызывал помериться силой нижегородского стрельца. У него была шашка, а у стрельца – большая секира. Каждую ночь они устраивали игрушечные бои. Победителем выходили то один, то другой.

Ночь была самым лучшим временем. Куклы не хотели пугать бедную женщину, ведь они знали, что по-настоящему общаться могут только с детишками, а взрослых можно напугать. Взрослые со временем теряют способность слышать их, они слишком заняты своими делами, чтобы слушать удивительные истории.

Довольно долго куклы жили мирно, но однажды случилась ссора.

А произошла она так. Зимней долгой ночью, когда за окном мела метель и дул сильный ветер, женщина крепко спала, стрелец и казак затеяли новую битву. Сшиблись в бою насмерть, а всё из-за того, что женщина, в очередной раз переставила кукол и поставила их рядом. Когда она закрывала дверцу шкафчика, стрелец случайно качнулся и задел плечом казака. Да разве же он мог смолчать? Еле дождался ночи. Целый день они стояли и буравили друг друга глазами, но ничего не могли сказать друг другу. Как ни старалась подруга казака утихомирить его, ничего не получалось. Боярыни стали хватать за руки стрельца и умолять его прекратить бой, и лишь молчаливые китайцы держались стороны. Оба стояли, как извая-

ния и не вмешивались. Больше всех испугался толстый бай. Он спрятался за спины девушек – танцовщиц, которые встали кучкой, тесно прижавшись друг к другу, как стайка воробушков. Казак замахнулся шашкой и ударил так сильно стрельца, что тот закачался, как подрубленное дерево и с грохотом упал.

Женщина от стука проснулась, а куклы замерли, словно ничего не произошло. Покачала головой, зажгла свет, открыла шкафчик и снова поставила стрельца рядом с казаком.

Легла. Через некоторое время стук повторился. Женщина снова проснулась. Стрелец и казак лежали ничком, а сверху на них упала барышня в розовом костюме.

На следующий день женщина, словно заподозрив неладное, взяла стрельца и поставила его к китайцам. Ночью ей совсем не удалось поспать. Только она проваливалась в сладкую дрему, как в шкафчике начинали падать куклы. Она не знала, что неугомонный стрелец решил вызвать на бой китайцев. Он наговорил им много обидных слов и смеялся над тем, что они одеты в женские платья, за которыми не видно мужской сущности. На этот раз стрелец упал на самую нижнюю полку, где обитал узбекский бай, и чуть не расколол тому глиняную голову.

Стала она думать, гадать, что же происходит?

Утром достала всех кукол и поставила перед собой. Казака – с казачкой, двух китайцев, двух боярынь и с ними девушку в розовом, японочку, индианку, а впереди всех посадила толстого бая с его танцовщицами. А потом открыла сумку и достала ещё две куклы. Это были индианки – близнецы, плотно сшитые друг с другом боками. У них были необыкновенно выразительные тёмно-карие глаза. Словно они заглядывали в самую душу тому, кто на них смотрит. В руках у них были свечи, в ушах большие золотые кольца, на лбу каждой красовалось красное пятнышко, на шее – золотые бусы, в носу – кольцо, от которого тянулась маленькая цепочка к уху, а рядом с ними стояли два тёмных слона из эбенового дерева.

Женщина поставила их прямо перед собой и начала внимательно разглядывать, она знала, что эти куклы приехали из отдалённого уголка Индии из старинного храма от мудрых монахов. От них исходил тончайший еле уловимый запах далёкой страны.

Неожиданно ей показалось, что гости слегка шевельнули губами. Она пригляделась, но нет, куклы стояли неподвижно. Поняла только одно – индианки говорят с ней. Нет, не словами, она видела, что они молчат, мысленно. Ей словно кто-то тихо нашептывал в ухо: «Знаем твою беду. Поможем. Слушай внимательно. Нельзя ставить рядом воина с воином, обязательно рано или поздно будут меряться силою. Нельзя танцовщиц оставлять вместе – поссорятся, доказывая у кого выше мастерство танца. Философов – надолго, ни в коем случае – уйдут далеко от реальности, некому будет их остановить. Помешай кукол: поставь казака с узбекскими девушками, пусть остужают его пыл своими затейливыми танцами. Трусливого бая отправь к китайским актёрам, они – люди мудрые, заодно научат бая за себя постоять. Стрельца с японкой посади. Она знает много чудесных историй. Барышень – казачку, индианку, нижегородских боярынь, девушку в розовом из славного города Мышкина, в хоровод собери. Индийская девушка научит их разговаривать языком тела. Все народы должны дружить между собой, уважать друг друга и делиться своими знаниями. Пусть так весь день стоят.»

Подивилась женщина, так и сделала.

С тех пор куклы больше не падали. На полках в шкафчике воцарились мир и спокойствие.

Ночью, когда куклы собирались вместе, каждая из них рассказывала, чему научилась за день, что нового узнала. А мудрые индианки из храма со слонами поселились жить на нижней полке, где раньше обитал бай и куклы частенько стали приходить к ним в гости, потому что они очень много знали и рассказывали удивительные истории, а ещё они разрешали другим куклам кататься на черных эбеновых слонах. Только бай не любил слонов, он с них всё время падал и боялся разлететься на тысячу мелких осколков, он ведь был глиняным.

Женщина каждый день любовалась на своих кукол, и ей казалось, что они хорошеют день ото дня.

Сказка про паучка Пал Палыча

Пал Палыч – домашний паучок. Маленький с серо-коричневым упитанным брюшком. Живет Пал Палыч на кухне под самым потолком. Там висит подвесной горшок с большими листьями папоротника. Паучок любит свой дом. Тихие тенеты паутины мерно покачиваются в такт открывающейся кухонной двери. Еды вокруг полно. В листьях папоротника ночуют полусонные мухи, которые изредка тяжело перепархивают с листа на лист, дожидаясь весеннего солнышка.

Пал Палыч всегда краем глаза следит за передвижениями мух. Как только заметит потревоженную муху, не спеша выпускает тонкую паутинку, и свесившись пониже наблюдает дислокацию продовольственного склада.

Как и все домашние пауки Пал Палыч домосед. Он смел, азартен и немного ленив. Зато он аккуратный гражданин и его паутина сродни произведению искусства. Он не какой-нибудь бомж, у которого рваная паутина. Есть, такие поналепят-поналепят... Паутина Пал Палыча всегда на своем месте. Этакий гамак, в котором часами покачивается хозяин.

Есть правда вещи, которых Пал Палыч не любит и боится. Это мокрая тряпка, которая постоянно задевает его гамак и частично рушит его. Ему приходится часами восстанавливать квартиру, заделывая огромные дыры.

Или сквозняки, которые иногда случайным образом сдувают охотящегося за мухами Пал Палыча на пол, где ходят огромные тапки, норовящие на него наступить. Но хуже всего, когда ветер из форточки сдувает охотника в раковину. Почти смертельный вариант. Ведь, если открыт кран с водой, Пал Палычу уже не выбраться, он будет смыт водой из этой жизни – навсегда.

Вообще, в его размеренном существовании всё продумано до мелочей. Охота, пеленание добычи, здоровый сон, крепкий ужин, переваривание одного, снова охота. А еще у Пал Палыча – есть зазноба.

Марфа живет в противоположном углу кухни под цветком с названием хлорофитум хохлатый, родиной которого считается Южная Африка. Под его большими пониклыми стеблями находится дворец Марфушеньки. Как все паучихи Марфа норовистая и сильная. У пауков самки гораздо крупнее самцов. Нужно быть ловким и хитрым, чтобы играть в любовные игры и самому не стать жертвой своей избранницы. Игры пауков опасны и страстны. Паук отдаёт своей избраннице всего себя без остатка. К даме надо подходить осторожно, с презентом в виде сушеной мухи и пока она будет рассматривать подарок, успеть ее обворовать. Затем, не только доставить ей несказанное удовольствие, но и вовремя удрать, пока не доела муху. Ведь, только, некоторым удаётся бежать, но такое поведение, пауками не приветствуется. Обычно жених все же бывает съеден вместе с подарком.

Самцы некоторых видов пауков, упелёнывают даму, чтобы она не сопротивлялась, пока идёт свадебная церемония, но таких меньшинство. Оставшийся в живых, паук напоминает о себе после свадьбы лишь хитиновым каркасом.

Зато какие прелестные паучата получаются! Тот, кто когда-нибудь видел шар из паутины, который разбегается сотнями паучков, если на него дунуть, навсегда остаётся заворожён этим трогательным зрелищем. Немногие из этих разбежавшихся враспыльную сорванцов останутся в живых. Десятки из них будут съедены, и найдут новое воплощение в иных материях.

Всю зиму Пал Палыч мирно качался в своём гамаке, пока яркие лучи солнца не возвестили о приходе весны, а потом и лета. Пал Палыч собрался жениться. Почистил брюшко, протер лапками глаза, проверил закатанных в саван мух, до последнего оттягивая момент знакомства с Марфой.

Но природа для всех одинакова. Марфа манила и звала. Крупная, с крепкими ножками, ярко выраженным брюшком и ясными всевидящими оками. Глаз у пауков столько же, сколько ног – восемь. А у Марфы восемь красивейших на всем белом свете глазок.

И однажды Пал Палыч все же решился отправиться к хлорофитуму. Он старался не думать о плохом. О том, что Марфа рассматривает его, лишь как источник питательных веществ для будущего потомства. Он думал о любви – большой и чистой. О том, какие красивые у них родятся дети.

Пал Палыч ползал по паутине, трогая лапками нити и определял на вес мух. Нужна была самая жирная и красивая свадебная муха. Наконец подарок был выбран. Жених аккуратно примерился к леске, поддерживающей двухметровые листья папоротника и медленно пополз жениться.

Марфа почуяла его не скоро, а когда обнаружила вторжение, напряглась и затихла в своей сетке, надеясь на отличное пополнение своих продуктовых запасов.

Пал Палыч отважно нарушил территорию.

Был тихий вечер, форточки плотно закрыты, леска блестела, как лунная дорожка. Огонь любви сжигал паука изнутри. Марфа буравила жениха восемью глазами. Жадно буравила. К ней приближалась еда.

Первым делом Пал Палыч сунул Марфе муху. Она пришлась ей по вкусу. Дама подтянула к себе саван и увлеклась исследованием подарка. Пал Палыч был счастлив. Он так, старался, так старался. Он был на вершине блаженства, но... как только Марфа доела муху, следующим, оказался сам Пал Палыч. Погиб в разгар любовных страстей, так не узнав, какие прекрасные дети у него родились.

Прошло время у Марфы родились паучата и сразу же разбежались в разные стороны. Паучихи трогательно заботятся о своих детишках. Носят на себе коконы с яйцами и даже только что вылупившихся паучков, оберегая их от опасностей. Правда так происходит

не у всех. Есть такие виды пауков, где детки съедают выполнившую свой долг мамашу. Но это редкость. У большинства видов паучата быстро становятся самостоятельными и поскорей расселяются, пока их не съели взрослые пауки. Так печально, закончилась эта любовная история. Теперь, о ней напоминает, только маленький кусок паутины под разросшимся папоротником.

И по сей день в наших домах живут пауки. Круглый год они тихо сидят, не докучая хозяевам: и в роскошных апартаментах с «евроремонтом», и в лачугах бедняков; у них свое представление об уюте: лишь бы было тепло, влажно и достаточно еды. Поэтому если вы случайно обнаружите утром в ванной беспомощного мохнатого восьминожку, аккуратно посадите его куда-нибудь в укромный уголок вместо того, чтобы брезгливо хлопнуть пленника мокрой тряпкой.

Существует древняя легенда. Она гласит: некая лидийская девушка, по имени Арахна, возгордилась настолько, что вызвала на соревнование Афину Палладу: дело в том, что среди смертных Арахне не было равных в искусстве ткачества – она пряла из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух. Сами понимаете, чем кончаются соревнования с богами: они редко обращаются со смертными по-справедливости, особенно если проигрывают. Афина Паллада обратила Арахну в паука, обреченного вечно ткать свою паутину.

Сказка о пушистом эльфе Чинчилья

Эта история произошла давным-давно. Тысячу лет назад, а может и больше, на далеком острове Чинча, причудливо сложенном из гранита, с обрывистыми берегами, где на прибрежных утёсах во множестве гнездятся морские птицы. Этот остров находится неподалеку от загадочной южноамериканской страны у юго-западного побережья Перу. Назван он был в честь населявших его индейцев чинча. Индейцы пришли на остров издалека и почитали великого бога Чинчакамака, от которого и вели свое название.

Богов в то время было много. Они были разными: добрыми, злыми, жадными, щедрыми, слабыми и сильными. Один из них был самым могущественным, его боялся даже Чинчакамак. Звали его Пачакамак. Но ещё задолго до прихода индейцев, коренными жителями острова были маленькие эльфы. Загадочные и удивительные существа. Очень добрые и веселые. Они охраняли несметные богатства острова: золото и серебро. Кроме того, эльфы, умели излечивать разные болезни, и были настоящими волшебниками.

Пачакамак был злым и жадным. Люто ненавидел эльфов. Хотел один владеть богатствами острова, но маленький народец ревностно охранял сокровища. Пачакамак знал, что с помощью золота и серебра можно править миром, управлять людьми, а значит быть «Всемогущим».

И тогда, чтобы избавиться от маленького гордого народа, он приказал своему помощнику Чинчакамаку показать эльфов индейцам.

Когда индейцы поселились на острове, они не знали о том, что в скалах живут эльфы, ведь волшебники старались не показываться людям. Выходили на поверхность только после захода солнца, когда над островом сгущались сумерки. Они жили большими колониями дружно и весело. И был у них свой король по имени Чинчилья, который долго и мудро правил своим многочисленным племенем. У него было несколько жен и многочисленное потомство. Эльфы любили работать. Весь день охраняли под землей сокровища, лишь к вечеру, собирались вместе и выходили на поверхность, чтобы поиграть, собрать еду и поколдовать в свое удовольствие. Жили не тужили, но случилась беда.

Однажды вечером, когда сумерки только-только стали опускаться на остров, король Чинчилья попал в плен к индейцам. Его поймал рыбак, который случайно увидел прекрасного эльфа и накинул на него рыбацкую сетку. Разглядев маленького волшебника, рыбак сразу понял, что это не простое совпадение. У него в руках подарок богов. Однажды ему приснился сон, голос Великого бога Чинчакамака приказывал поймать эльфа. Сон сбылся. В его сетке барахтался маленький колдун в мягкой серой шубке.

Так бедный Чинчилья попал к людям.

Когда рыбак принес его домой, дети изумились при виде удивительного создания большие глаза, крупные розовые уши, мягчайший бежевый мех, длинные усы, пушистый хвост.

– Папа! Кто это? – спросил сынишка рыбака.

– Это маленький волшебник! С его помощью мы обретём богатство и удачу, так сказал Великий бог Чинчакамак. Он явился мне во сне и рассказал, что под землей живут маленькие волшебники, и я должен поймать одного из них. Тогда чтобы освободиться, эльф укажет мне место, где лежат несметные богатства.

Короля эльфов посадили в большую клетку. Чинчилья сидел грустный и несчастный, но, когда наступила ночь, и рыбак заснул, маленький чародей принялся за колдовство, ведь именно ночью к нему приходила вся его волшебная сила. Чинчилья сел на задние, длинные лапы, сжал передние лапки в кулачки, сосредоточился. Дух его отправился к спящему рыбаку.

Рыбаку приснился странный сон. Он плыл в своей лодке по морю, в его сети попалось много рыбы. Его обуяла радость. Теперь его семья не будет голодать, он сможет накормить детей и пригласить в гости друзей. Рыбак начал перекладывать рыбу из сетки в лодку и в этот миг на корме появилось маленькое дымчатое облачко, которое постепенно превратилось в короля эльфов.

– Отпусти меня добрый человек! За это я дам тебе нечто удивительное!

Рыбак ещё больше обрадовался, думая, что Чинчилья скажет ему о том месте, где лежит золото.

– Я отпущу тебя король, но прежде ты мне покажешь место, где спрятаны сокровища!

– Что ты хочешь знать? – спросил Чинчилья.

– Где лежит золото и серебро!

– Этого я тебе сказать не могу. Наш народ является хранителем сокровищ, которые находятся в земле с незапамятных времен. Нам велено никому не показывать и не отдавать их. Так мой прадед говорил, и дед, и отец. Не слушай злого бога Чинчакамака, его заставляет действовать еще более могущественный властелин зла Пачакамак. Он давний враг нашего племени, но мы не боимся его, так как наделены волшебной силой. Взамен, предлагаю тебе сокровище, которое никто не может обрести для себя сам. Я дам тебе и твоей семье здоровье, красоту, силу, долгую жизнь. Этого не купить за всё золото мира! Соглашайся или беды падут на твою голову и на всё твоё племя.

Неожиданно налетел сильный ветер, закачал лодку рыбака, захлестнул волной корму, где сидел эльф и смыл его за борт в море. Это злой Пачакамак разрушил чары Чинчили, так как ненавидел его всей душой.

Рыбак проснулся. В клетке сидел, прикрыв большие глаза маленький эльф. В какой-то миг индеец захотел его отпустить, но жажда наживы взяла вверх, да и детишкам он нравился. Они вынимали его из клетки, тискали и смеялись.

А племя эльфийцев страшно испугалось исчезновения своего короля. Малыши-эльфы всю ночь колдовали, пытались узнать, что с их любимым предводителем. Они жевали особые травинки, которые помогали видеть им на расстоянии не глазами, а сердцем. И скоро поняли, где их король. Он находился в заточении. Когда стусились сумерки, они собрали большое собрание на скалах и решили освободить своего короля.

Ночью в индейскую деревню ворвались тысячи маленьких, бесшумных эльфов-воинов. Они проникали в жилища индейцев, обследовали каждый уголок и выбегали назад к своим собратьям, чтобы сообщить о том, что Чинчили нигде нет. Люди стали просыпаться и, видя маленьких эльфов в пушистых серых плащиках, стали ловить их, а то и просто убивать палками. Так продолжалось всю ночь. Много маленьких волшебников полегло в неравной битве. Однако, она была не напрасна. В суматохе Чинчили удалось выбраться из клетки и бежать, но рыбак заметил его и побежал вслед за ним. Чинчили же ничего не видел, он так спешил поскорее убежать в родное племя, что привел рыбака прямо к своему жилищу в скалах.

Индеец был хитрым, он спрятался и решил дожидаться, когда Чинчили снова появится на поверхность. Целый день прождал. Вечером веселые эльфы выбрались на скалы и отправились в долину поверять свои сокровища. Рыбак незаметно пошел за ними. Проследил все ходы в земле, куда запрыгивали эльфы, набросал камушков, чтобы запомнить место, а утром взял кирку и отправился копать норки.

Человеку трудно спрятаться от внимательных глаз других людей, стали индейцы замечать, что рыбак каждый день куда-то исчезает, интересно им стало, куда это он ходит? Проследили за ним и увидели, как тот каждый день выкапывал желтые и белые крупинки, да складывал их в тряпицу. Крупинки блестящие, твердые, необычные.

Вскоре и другие индейцы пришли днем в долину с кривыми ножами, кирками и палками, ведь в долине находились богатые месторождения – золота и серебра. Стали люди собирать дорогие крупинки. Хвастаться друг перед другом у кого больше. Начались между ними раздоры. Золото и серебро не принесли людям мира.

Прошло время. Индейцы научились плавить золотую и серебряную крупу в огне, заливать жидкое серебро в различные формы. Стали делать украшения для своих девушек. Это были налобные пластины, обкладки для деревянных серег, продевавшихся в мочки ушей. Мужчины отливали серебряные кубки с выдавленным изображением человеческого лица и изготавливали «туми» ритуальные ножи с лезвием полулунной формы. Индейцы племени чинча стали богачами. Ослепило золото людей, чтобы задобрить богов, стали отливать из золота и серебра большие статуи с их изображением, которым поклонялись.

Эльфы проклинали злых Чинчакамака и Пачакамака, но ничего поделать не могли. Боги принесли им страдания. Индейцы приносили жертвоприношения и охотились за эльфами, зная, что маленькие волшебники излечивают различные болезни. Из шкурок убитых эльфов люди стали делать меховые накидки, а тельца маленьких волшебников поедали, считая, что вбирают в себя их силу и знание. Они свято верили, что мясо эльфа излечивает от туберкулеза и других страшных болезней.

Бог Чинчакамак радовался. Люди полностью были в его власти. Они приносили жертвы, много жертв, они отливали его изображение из золота, они ложились спать с его именем на устах.

Скоро соседи индейцев узнали о несметных сокровищах чинча: золотых статуях, серебряных кубках, волшебных меховых плащах. Обуяла их жажда наживы. Собрали они корабли, да лодки, налетели под предводительством Инки Пачакути Юпанки на остров и перебили всех чинча.

Инки в ту пору были могущественными. Жили они на территории Перу. Лишь немногим чинча удалось тогда скрыться. Инки не только сожгли деревню индейцев чинча и забрали все золотые статуи и украшения, они увидели волшебные плащи из убитых эльфов, о которых ходили легенды. Плащи несли здоровье и силу своему обладателю.

Для маленьких волшебников настали чёрные времена. Злые инки стали охотиться на эльфов и уничтожили почти всех защитников сокровищ. За причиненное зло эльфийскому народу пало проклятие на их головы, ибо прошло еще некоторое время, приплыли к берегам Перу новые завоеватели. Острова близ Перу захватили испанцы. Началась Испано-южноамериканская война и много инков погибло в той войне. Спустя века не осталось потомков: ни чинча, ни инки, лишь пирамиды, да статуи рассказывают их печальную историю. Забыли люди о злых богах Чинчакамаке и Пачакамаке, о жертвах, которые они заставляли приносить себе в угоду. А в наших домах и по сей день, живут маленькие пушистые эльфы и называют их шиншиллами.

Хвастливый помидор

Хозяйка пришла с базара. Стала выкладывать на стол овощи. Большой перезрелый помидор, пять огурцов, семь редисок. Помидор начал хвастаться, – Я самый большой, красивый, крепкий, не то что зелёные в пупырышках огурцы и редиски с мышинными хвостиками на макушке. Хозяйка охнула и выронила на стол дыню. Огурцам и редиске только бока намяли, а хвастливый помидор лопнул.

Исповедь собаки

Она теперь другая. Не может ходить. Всегда сидит в инвалидной коляске. Сегодня хороший день. Светит солнышко и мы, как и раньше до того ужасного визга тормозов и груды железа, из которых нас вырезали автогеном, пошли гулять.

Только теперь я бегу рядом с её рукой, управляющей джойстиком. Я касаюсь её запястья. Мы много пережили. Она месяцами лежала и лежит в больницах. Я всегда жду её. Знаю, она не оставит меня одного.

Когда-то мы вместе бегали по набережной Москвы-реки, играли, купались. Она смеялась, бросала палку в воду, я прыгал за ней, приносил деревяшку ей в руки. Она радовалась моим успехам, обнимала мою голову, шептала в ухо «Мой самый лучший на свете водолаз».

Она и сейчас, засыпая, когда её на руках относят в кровать, просит меня положить голову на её постель и гладит, гладит... Из её глаз текут слёзы и я слизываю их шершавым языком, словно их и не было никогда.

Я никому не дам её обидеть. Я страж. Я буду с ней всегда.

Мутанты

– Омогой! Отопри! – Ворвался в дом шамана охотник Чагыл. – Волки! Двенадцать оленей порезали.

– Не ропщи. Прими. Сын небесного божества Улуу Тойона к тебе приходил. – пробормотал старый шаман, впуская гостя. – Благодать снизойдёт на тебя и твою семью. Тэнгри, – показал пальцем вверх Омогой, – указал, что им съесть. На будущий год стада твои умножатся. Садись. Слушаю тебя. – Выл ли кыыл? Просил небо дать ему пищу? Один ли был? Иль много?

Чагыл бросил в угол ружьё. Присел против шамана.

– Ночью проснулся. Тихо-тихо. Словно толкнул кто. Саяна с малышом Чоно спят. Пошёл посмотреть скотину. Только вышел, гляжу кровь по снегу и тень громадная, вроде тушу оленью тащит. Я в дом за ружьём. Не успел. Но я его видел. Огромный чёрный волк с голубыми глазами. И кругом зарезанные олени.

Омогой закурил длинную деревянную трубку.

– Глаза голубые? То не простой волк к тебе приходил. Может эскээна дух-хозяин пожаловал?

– Не знаю... – глаза Чагыла смотрели остро. – Зачем двенадцать оленей взял? Как жить буду? Поговори с духами.

– Иди домой, – ответил шаман, прищуривая прикрытые седыми кустистыми бровями и без того узкие глаза. – Поговорю с духами, дам тебе знать.

Чагыл поклонился, подхватил ружьё и выскользнул за дверь.

Омогой посмотрел на бубен, висящий на стене рядом со шкурой волка. Только хотел взять, в дверь постучали.

Пять охотников из разных мест пришли за день. Небывалое дело.

– Что-то не так, – думал Омогой, собираясь в лес для проведения ритуала.

По телевизору передавали новости.

«На Якутию напали волки-мутанты. Кровожадные хищники уничтожают всё живое. Шаманы уверены – это месть предков. Тадибей из глубинки вторил диктору: «Природа показывает какими мы становимся. Эти волки выглядят гораздо крупнее своих сородичей. Размножаются с огромной скоростью. Мутантов наслали духи предков. Это очень хитрые и опасные звери. Люди отделяются от родной природы. Сами люди звереют. Усилия охотников не помогут справиться с мутантами».

Виктор восторгнулся, уставившись в экран. Встал. Подошёл к антресолям, открыл дверцу, потянул на себя чехол с охотничьим ружьём, пробормотав: «Надо ехать». Каждый год его вызывают на отстрел дикого зверя. Он специалист широкого профиля. В прошлом году убил медведя-шатуну, убившего двух местных жителей в Хакасии. На волка тоже неоднократно ходил. Хорошо знал повадки этого умного, красивого зверя. Не признавал охоту с вертолёт, всегда всё делал сам. К тому же у него в Якутии есть друзья-охотники. Виктор поднял трубку телефона.

Прилетел в Ленский улус Чаянда налегке: небольшой рюкзак и ружьё. Пару дней огляделся. Закупил патроны к самозарядному комбинированному двустольному ружью двенадцатого калибра. Расспросил местных в каком районе видели мутантов? Оказалось, около двести сорока волков сбились в стаю и из-за голода рыщут по территории Алданского района, держа в страхе местное население. Среди них попадаются огромные чёрные волки с синими глазами.

Мешкать не стал. Хорошенько смазал ружьё, набил рюкзак патронами, спичками, консервами. Проверил переносную рацию. По старым связям пробил вертолёт, попросил закинуть в тайгу.

Тайга составляет большую часть Алданской земли. Тайга – самый огромный на земле лес. Колючая хвоя, сосны, кедры, пихты и ели. Высокие зелёные вершины. Тихий скрип обомшелых стволов. Запах прелой, стоялой воды. Огромные корни-выворотни. Нет в тайге южной красоты. Ни ярких цветов, ни пёстрых бабочек. Растительный мир богат ягодами: брусника, голубика, черника, несколько видов дикой смородина, грибы и разнотравье. Не вскрикнет птица, не слышно зверя. Все прячутся и таятся. Лишь осторожная тень иногда проскользнёт в чаще, да дрогнет сухая ветка.

Виктор шёл по тропе, выбитой звериными лапами, и копытами. Человеку трудно идти такой тропой. Ноги тонут во мху, валежины цепляются за одежду, еловые лапы бьют по лицу. Оглянулся на треск сухой падающей ветки, упёрся взглядом в чёрное дупло старой осины. Оно словно следило за ним.

– Эх... – вздохнул, – хорошо смотреть на зелёную тайгу с горы. На светлые боры – сосняки. на голубые извивы рек и синие, туманные, бескрайние дали.

Виктор знал почему здесь так много волка. Тайга в этих местах изобилует диким северным оленем, лосем, зайцем-беляком. Можно встретить и изюбра. Туристов теперь возят по долинам Алдана, Учуре и Амге, по большим и малым рекам района, где сосредоточен ареал кабарги. Особливо поохотиться на кабаргу любят иностранные туристы.

Мысли Виктора прервал шорох за двумя широкими ёлками. Остановился, тихонько потянул из-за спины ружьё, внимательно вглядываясь в широкие, пушистые, зелёные лапы ели. Ему почудились два синих огонька.

– Нет, не два! Четыре, восемь, десять... Стая! За ним следит стая.

Взял в руку ружьё. Сделал вид, что ничего не заметил, продолжая путь вперёд. Волки сразу не нападают. Долго приглядываются к жертве, а то и вовсе пропустят мимо себя. Скорее всего, он их мало интересуется. Охотятся на оленя или лося. Раз они здесь. Надо делать стоянку, а по утру начинать охоту.

До конца дня Виктор кружил недалеко от густого ельника, где приметил волков, а как начало смеркаться развёл костёр. Поставил две рогатины. Натянул между ними проволоку. Достал армейскую поллитровую алюминиевую кружку, набрал воды из ближайшей канавы и подвесил её высоко над костром. Расстелил походный коврик. Середина октября. Пока ещё можно спать на земле, без крыши над головой. Крепкий чай и банка мясных консервов благотно подействовали и его начало клонить в сон. Обманчивая тишина убаюкивала.

Очнулся Виктор от жужжащего звука. Спешно открыл глаза. Над его лицом нависла страшная чёрная морда волка. Светящиеся синим цветом глаза смотрели не по-звериному, не по-человечьи, это был особый взгляд. Замерший. Глаза смотрели безотрывно и ничего не выражали. Это удивило его. Никаких эмоций, только синее свечение. Осторожно втянул ноздрями воздух. Пахло озоном, но никак не тайгой. Было ощущение, что он лежит в воздухе, не на земле. Виктор опустил глаза, одновременно ощутив лёгкое покачивание. Его тело покоилось на тонком, прозрачном, прочном гамаке. Над ним склонился человек с волчьей головой. На нем был серо-чёрный хитон, из широких рукавов которого торчали тёмно-коричневые, волосатые, шестипалые руки с перепонками между пальцами, напоминающими лапы дикого зверя. В одной из лап зажат бурый непрозрачный угольчатый камень.

Виктор содрогнулся. Попытался приподняться, но у него ничего не вышло. Голову словно привязали к гамаку. Он не владел своим крепким, мускулистым телом. Оно лежало мёртвым грузом. В отчаянии поднял глаза, посмотрев выше человека-волка. За ним молча стояли ещё четыре таких же существа. Все они смотрели на него.

– Пять, – подумал он. – Их было пять за елями.

Попытался издать хоть какой звук, но и язык словно прирос к нёбу. Существо, стоявшее ближе других, качнуло головой. Наклонилось к самому его лицу, пронзило синим светом, и он ощутил себя. Тело словно вспомнило свои навыки. Он почувствовал, как в его руку опустился тёплый, шершавый камень. Как только он коснулся его кожи, по телу побежало тепло. Его захлестнули чувства. Перед глазами возникло лицо мамы, которая осталась в Москве, потом отца, читающего газету в кресле перед телевизором. А потом он увидел себя мальчишкой в лесу. Ему восемь лет. В руках спичечный коробок с майским жуком. Этого жука он пытался держать, как домашнего питомца, кормил его березовыми листьями, а потом отпустил. Это бы его первый любимец. А потом он ощутил запахи греющегося в кастрюльке молока и цветочного букета, стоявшего в вазе у окошка. Букет из лесных цветов. Бабушка. Он в деревне на каникулах и это он принёс ей букет из леса. Картинка сменилась. Он увидел костёр в заснеженном лесу. Вокруг него танцевал шаман. Седые волосы развевал ветер. Шаман бил в бубен, пел и танцевал. Узкие чёрные глаза блестели, как стальные ножи, в зрачках отражались искры, летящие из костра. Его веки стали тяжелыми и стали медленно опускаться. Он погрузился в небытие.

Виктор очнулся от холода. Его трясло в сильнейшем ознобе. Вскочил на ноги и понял почему он так замёрз. Ночью выпал снег. Нет. Он не просто выпал. Его окружал заснеженный лес. Огромные сугробы, а перед ним чёрное пятно от потухшего костра, припорошенное мягким пухом. Тело налитое свинцом. Рядом валяется ружьё, на рогатинах висит обледенелая кружка. К такому холоду он не был готов. На нём лишь утепленная ветровка, кроссовки, даже перчаток нет. Рюкзак замело. Он начал разгребать снег руками и вскоре нашёл его. Огляделся. В двадцати шагах заметил множество волчьих следов. Здесь была стая. Голова гудела. Рация не работала. Надо было выбирать.

Зимний день короток. Виктор брёл по лесу весь день и всю ночь. Он хорошо ориентировался в лесу, но у него было стойкое ощущение что это другая тайга. Не та в которую он входил вчера.

– Вчера? – подивился он.

Ближе к утру его ноздри уловили запах дыма. Значит недалеко охотничья избушка. Прибавил хода. Стараясь держать по ветру. Светало. Скоро тайга поредела. Среди деревьев показался деревянный сруб. Из последних сил двинулся к нему.

Шаман Омогой не спал всю ночь. Словно ждал кого-то. Молча сидел на полу укрывшись волчьей шкурой, медленно перебирая шерсть пальцами. В дверь постучали. Шаман распахнул её. На пороге стоял человек. Русский. Лицо обморожено. За спиной болталось ружьё и рюкзак набитый патронами.

Омогой тихонько взял его за руки, провёл к печке, аккуратно снял рюкзак и ружьё. Привалил мужчину спиной к печи. Мужчина осел. Попытался что-то сказать, но язык не слушался его. Шаман достал бутылку водки, налил в кружку и силой влил её в гортань гостя. Тот закашлялся и как ребёнок уткнулся лицом в колени.

– Отдохни. – Пробурчал старик, бережно укрывая гостя волчьей шкурой.

Сколько часов Виктор спал, не помнил. Проснувшись увидел старика, хлопотавшего у бочки с солониной. Тот почувствовал шевеление у печи, обернулся, пригласил знаком к столу, доставая вяленый кусок мяса.

Так вкусно Виктор не ел никогда. Мясо таяло во рту. Старик подливал огненной воды, с явным удовольствием наблюдая волчий аппетит отогретого гостя. Наевшись, Виктор взглянул на старика, и его словно пронзило. Он его знал.

Молчавший до сей поры старик подал голос.

– Омогой. Меня зовут Омогой. Как тебя величать?

– Виктор. Я из Москвы. Приехал бить волка. В новостях сказали, совсем звери вас замучили. Да вот беда. Замёрз в тайге. Странное что-то со мной приключилось. Будто я исчезал куда-то. Сейчас какое время года?

– Зима, однако. – опустил глаза шаман.

– Зима?.. – не верил своим ушам Виктор. – Я в октябре приехал. Думал недели две побью волка и назад. Уж очень он у вас лютует в этом году.

– Побил?..

– В том-то и дело, что нет. Вышел в тайгу. Походил. Приметил стаю. Пять особей. Огромные. И глаза...

– Какие?.. – сверкнул глазами Омогой.

– Синие. Светятся даже на свету. Подивился. Потом подумал, разгляжу лучше, когда завалю. Хотел поутру начать. Лёг спать, а дальше... плохо помню. Могу сказать одно. Я не сумасшедший. В инопланетян не верю, но что-то со мной было. И тебя я видел.

– Ты не сумасшедший, – опустил глаза Омогой. – Духи с тобой говорили. Они же тебя ко мне привели. Ты избранный. Они не со всеми говорят. Только с теми, кто умеет душой слушать. А с тобой особо обошлись. Тебе теперь домой надо ехать.

– А как же волки? Они же скот режут, того гляди на людей начнут кидаться. Да ещё такие огромные.

– Тут всё не просто. На скотину бросаются обычные волки и то не по злобе. Человек виноват. Нарушает законы природы. Вот и пришли духи неба в тайгу. Решили разобраться что к чему. Волк – сын неба. Мудрый, сильный и справедливый. Собаки бога. Слышал о таких? Вот отчего волк воет?..

– Говорит со своими, – усмехнулся Виктор. – Связь держит.

– Нет, – ответил Омогой. – Волк просит пищи у неба. Никогда не возьмёт больше того, что ему для выживания надобно. Скот режут не волки, а люди. Кто-то соседу отомстить хочет или по другой причине. А если волки зарезали больше положенного, значит слабая скотина была. Они санитары. Хилые да немощные болезни разносят. Смерть приносят. Волк зверь полезный. Численность копытных регулирует или того же зайца. Если кругом одни олени да лоси, они всю траву да кустарники съедят. Другие животные, птицы, насекомые пропадут. В природе всё

гармонично. Хаоса нет и нельзя познать одного, не изучив другого. Природное равновесие – это внутренняя упорядоченность и мера бытия. Есть на свете внутренняя связь всего живого. Твоя встреча с духами не просто так произошла. Ждёт тебя большая удача. Жизнь переменится для поцелованного богами и долг будет твой век. Больше мне – нечего сказать. Поезжай домой. А в подарок возьми это.

Омогой подошёл к самодельному шкафчику и вытащил искусно вырезанную ножом из дерева фигурку воющего волка.

– Борру ээрен. Береги его. Это твой талисман. Будет тебя охранять, оберегать и наставлять.

Виктор вернулся в Москву. Своё ружьё подарил Омогою. И с тех пор никогда больше не ездил на охоту. Всякий интерес потерял. А поскольку имел большой охотничий опыт, хорошо разбирался в повадках зверей, владел искусством следопыта – сел писать книги. Все они были о природе, о взаимосвязях всего живого, о любви к самой малой букашке. Но лишь стоило разговорам зайти об охоте, перед ним незримо вставали синие глаза.

Симураны (Фэнтези)

Моим Солнцем стала Луна, – думал он, пробираясь тёмной осенней полночью сквозь глухую лесную чащу. – Что я делаю здесь один? Я стал другим. Исцарапал тело и душу. Больно стоять на ветру, не попасть бы мне в западню. Сроднился с волками, но и там стал чужим. Кто

я? Не помню. Моим Солнцем стала Луна, не видно её за облаками. Чу! Слышу в тиши вой. Видно, с кем-то сегодня бой.

Он скользнул серой тенью вдоль кустарника. Увидел просвет. За кустами начиналось тихо шуршащее безграничное поле с ржавой, жухлой травой. Густой туман покрывал его белесым одеялом. Скоро рассвет. Первые светлые лучи, посылаемые небом, уже коснулись туманного покрывала. Чуть дрогнула земля. Он втянул ноздрями влажный воздух. Сегодня выпадет снег. Он это знал. Пригнулся. Вытянул голову в сторону, ещё раз принюхался. Лошадь! По полю в тумане скачет лошадь! Копыта размеренно ударяют по земле, заставляя её дрожать. Он должен её догнать. Он давно не ел.

Прыжок. Ещё один. Сухая поваленная берёза преградила путь. Оттолкнулся задними лапами от земли и взвился в бесшумном прыжке, но не рассчитал силы, задев сучья покотился кубарем по траве. Быстро вскочил. Запах кобылы ударил в ноздри, и он помчался большими скачками сквозь туман.

Лошадь что-то почуяла, фыркнула тряхнув гривой, пустилась в карьер. Зверь почти настиг её. Вот-вот его зубы вопьются в сухожилие задней ноги. Последнее, что увидел было копыто. Острая боль пронзила грудь, свет померк, он упал бездыханным.

Тёплый травяной воздух коснулся его ноздрей. Он очнулся с удивлением обнаружив себя лежащим не в лесной норе под старым обрушившимся деревом, а на широкой деревянной лавке, устланной волчьими шкурами.

Посмотрел на свои лапы и не узнал их – это были человеческие руки. Хотел вскочить, завывать – не смог. Горло издавало непонятные звуки, ноги не слушались, сердце колотилось в такт доносившимся издали барабанам.

Дверь отворилась. Вошла темноглазая девушка в лисьей шапке, обёрнутая в волчью шкуру. Она улыбнулась ему, показав ровные белые зубы. Подошла и погладила по голове тёплой ладонью.

– Кто ты?

– Не знаю... – прошептал он.

– Мы нашли тебя на рассвете в поле. Мы видели гнедую лошадь. Хотели её поймать, но она убежала. Ты лежал истекающий кровью. Так кто ты?

– Странник, – шепотом ответил он. – Скиталец. Сам не знаю то ли зверь, то ли человек. В лесу живу, к людям хожу. Воюю с тенью. Пою песни Луне. Не зверь и не человек. Иной. Один между двумя мирами. Мне нужно уходить. Меня убьют твои братья. Я слышу лязг мечей и вижу волчьи шкуры.

Дверь снова отворилась, в неё вошёл воин в кольчуге. Посох в его руке венчал череп волка.

Превозмогая адскую боль, вскочил, ударился оземь, встал на четыре лапы и прыгнул в просвет.

– Волк! Волк! – последнее что услышал за спиной.

Охотничий рог пронзительно выл.

– Вперёд! Вперёд! – раздавались крики.

– Я вижу его! Я преследую его! – кричал мужской голос сзади.

– Не уйдёт! – вторил ему кто-то.

Вокруг засвистели стрелы. Острые наконечники взрыхляли землю рядом с ним. Он начал петлять, понимая, что по прямой одна из стрел настигнет его. Раздался свист нагайки. Кто-то из всадников попытался кнутом сбить его с ног. Увернулся, мечтая только об одном, скорее достичь леса. Грудь болела и щемила. Капли крови бисером разлетались по ржавой траве. Ещё немного и он спасён. Успел оглянуться. Позади других всадников заметил девушку в лисьей шапке. Её глаза были полны ужаса. Она жалела его, он это знал.

Лес напряженно молчал. Успел. Скрылся. Его не догнать. А если нагонят... Прыгнуть из засады, одно движение и всё. Растаять в воздухе. Исчезнуть. Нет ему покоя: ни среди зверья, ни среди людей. Тянет его и к тем, и к другим.

Всадники спешили у кромки поля. Далее преследовать волка не имело смысла. Серый в своих владениях непобедим.

Он заскулил, медленно побрёл в чащу. Нашёл старый поваленный дуб, под корнями которого и схоронился. Раны болели и очень хотелось спать.

Ему снился старик с длинными седыми волосами, колдующий над котелком, издающим пряные запахи. Веселый огонь ровно потрескивал, наполняя хижину жаром. Он лежал возле старика на оленьих шкурах, наслаждаясь теплом. Старик изредка поднимал голову, смотря на него пристальным взглядом, помешивая в котелке странной деревянной ложкой. Она была исписана какими-то знаками. Потом откладывал её, подходил к нему и гладил по голове морщинистой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.